

На правах рукописи

МАКАРОВ СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ

**ПОЭТИКА ЯКУТСКИХ ОЛОНХО:
ЕДИНИЦЫ И УРОВНИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТЕРЕОТИПИИ**

Специальность 10.01.09 — фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)
в Учебно-научном Центре типологии и семиотики фольклора

Научный руководитель: **Неклюдов Сергей Юрьевич,**
доктор филологических наук, профессор,
научный руководитель УНЦ типологии и
семиотики фольклора ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты: **Кузьмина Евгения Николаевна,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующая сектором фольклора народов
Сибири Института филологии СО РАН

Аникеева Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник отдела истории Востока
Института востоковедения РАН

Ведущая организация: ФГБУН «Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера» СО
РАН

Защита состоится 19 февраля 2020 г. в 11.00 часов на заседании
диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой
литературы им. А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121068,
г. Москва, ул. Поварская, 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт мировой
литературы им. А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121068,
г. Москва, ул. Поварская, 25а и на официальном сайте института:
<http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/3956-poetika-yakutskikh-olonkho-edinitsy-i-urovni-leksicheskoy-stereotipii>

Автореферат диссертации разослан «_____» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Говенько Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена исследованию поэтики якутских *олонхо*, одной из эпических традиций Сибири, фиксированной в устном бытовании с 40-х гг. XIX в. до второй половины XX в. В центре внимания — повторяющиеся речевые структуры различного объема, значимые как единицы самобытного повествовательного языка жанра.

В процессе развития эпоса в устной традиции якутов устоялись как конкретные выражения (словосочетания, фразы), обозначающие ключевые концепты и сюжетные мотивы, так и более общие синтаксические средства, ассоциированные в традиции с эпическим стилем. Еще одной характерной чертой поэтики *олонхо* является рефлексия по поводу моделей некоторых речевых жанров (в основном ритуального характера), а также текстов паремий, выработка специфических канонов их употребления в эпическом нарративе. Все эти словесные единицы рассматриваются в работе как компоненты единого жанрово специфичного языка, служившего опорой для сказителя при порождении им устного текста.

Объектом исследования является якутская эпическая традиция, известная в ряде письменных записей XIX–XX вв.

Предмет исследования — структура и семантика стереотипных речевых фрагментов, составляющих устный текст *олонхо*.

Актуальность исследования. С момента первых фиксаций и до сегодняшнего дня исследование якутского эпоса протекает в русле общей проблематики отечественной науки о фольклоре. За прошедшее время в оптику исследовательского внимания закономерно попадали вопросы, связанные с семантикой сюжетов, феноменом сказительства, особенностями проявления отдельных лингвистических категорий в текстах *олонхо*. Продуктивным стало рассмотрение мифологических концептов, репрезентируемых эпическими сюжетами, в контексте других, в том числе несловесных (предметных, акциональных) текстов якутской культуры. В настоящее время активно ведется изучение локальных (диалектных) особенностей *олонхо*, разработка прикладных вопросов, связанных с переводом и изданием имеющихся записей.

Вместе с тем недостаточно исследованными остаются некоторые существенные аспекты поэтики жанра, в частности вопросы о составе и типах единиц формульного «словаря» традиции, закономерностях их воспроизведения. Прояснение этих вопросов может открыть новые перспективы в разработке генетических, ареальных, сравнительно-типологических и других исследований эпоса. Попыткой осмыслить эти лакуны и определяется актуальность настоящего исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В ходе более чем полуторавекового собирания и изучения материала поэтический язык *олонхо* неоднократно становился предметом научной рефлексии, рассматриваясь в различных аспектах.

Уже в ранних работах по этнографии якутов, написанных во второй половине XIX – начале XX вв. (А.Ф. Миддендорф, И.А. Худяков, В.Л. Серошевский, В.Н. Васильев, С.В. Ястремский), обнаруживаются замечания о его наиболее рельефных структурных особенностях: собирателями отмечается стилистическая трафаретность жанра, его сложный, по сравнению с обыденной речью, синтаксис и звуковая организация, производится первая попытка классификации повторяющихся смысловых фрагментов олонхо. В этот период были намечены проблемы дальнейших разысканий.

Впоследствии ведущим подходом к изучению поэтики якутского эпоса становится осмысление его словесной фактуры в категориях стилистических фигур речи: эпитета, метафоры, сравнения, гиперболы и т.п. (Г.У. Эргис, И.В. Пухов, Г.М. Васильев, Л.Д. Нестерова и др.). Этот вопрос обстоятельно исследован в трудах многих ученых. Внимание к стилистике текста сохраняется и в современных лингвистических и фольклористических работах, посвященных якутскому эпосу.

Отдельные повторяющиеся фрагменты текстов олонхо рассматривались исследователями в работах сравнительно-типологического плана. Стереотипные выражения якутского эпоса, обозначающие течение времени и богатырский гнев, в сопоставлении с аналогичными формами иноязычных сибирских и славянских эпических традиций анализировались В.М. Гацаком¹. Стилистические приемы и некоторые виды словесных повторов, характерных для олонхо, были рассмотрены А.В. Кудияровым в сравнительном исследовании поэтических средств эпоса тюрко- и монголоязычных народов Сибири².

Функциональный аспект поэтического языка олонхо, процесс складывания устного текста начинает системно исследоваться с 1980-х годов. В одной из первых работ, посвященных этой проблеме, фольклорист В.В. Илларионов предложил разграничение *формулы* и *типического места* как двух структурных единиц эпического текста, служащих готовыми моделями вербализации отдельных мотивов. По наблюдениям исследователя, в якутском эпосе формулы «даются группой стихов, иногда целой тирадой»³, а эквивалентом «типического места» он предложил считать «набор нескольких формул, раскрывающих в одном контексте какую-либо определенную мысль или тему с нескольких сторон»⁴.

В дальнейшем исследования языка олонхо сосредоточились главным образом вокруг «типического места». В 2005 г. «типические места» из трех записей якутского эпоса были включены в экспериментальный указатель,

---

¹ Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989.

² Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ, 2002.

³ Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов. Якутск: Якут. кн. изд., 1982. С. 72.

⁴ Там же. С. 73.

составленный группой исследователей под руководством Е.Н. Кузьминой⁵. Издание было нацелено на выявление схожих по своей тематике фрагментов в эпосах тюрко-монгольских народов Сибири. В это же время особенности варьирования «типических мест» якутского эпоса были рассмотрены Т.В. Илларионовой, исследовавшей разновременные записи популярного эпического сюжета о богатыре Эр Соготохе⁶.

Построению и варьированию «типических мест» русского и якутского эпосов, по сути, посвящена и работа М.Б. Сидоровой⁷, проанализировавшей эти процессы в терминах когнитивной интерпретации дискурса. Исследовательница установила доминантные и опционально вводимые мотивы («слоты») отдельных «типических мест» (реализаций «фрейм-сценариев») олонхо и в целом убедительно показала проницаемость материала для выбранного языка описания.

Многие особенности стилистики олонхо и их лингвистические основы были описаны в монографии П.А. Слепцова⁸. Исследователем намечены все основные проблемы изучения языка олонхо: особенности синтаксиса, диалектная лексика в записях эпоса, значение архаизмов, окказионализмов и иноязычных слов. Специальное внимание автор уделяет и формульности якутского эпоса. Важным наблюдением в работе становится предположение о существовании при широком разнообразии фактического материала ограниченного числа основных порождающих моделей, которые, впрочем, еще предстоит исследовать.

Как составляющие специфичного языка жанра также исследованы собственные имена персонажей олонхо⁹, семантика цветообозначений¹⁰, особенности употребления числительных в эпическом тексте¹¹. Имеется опыт лексикографического изучения словоупотребления в эпическом жанре¹².

---

⁵ Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Изд. СО РАН, 2005.

⁶ Илларионова Т.В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ разновременных записей. Новосибирск: Наука, 2008.

⁷ Сидорова М.Б. Когнитивный аспект формульности в эпическом дискурсе: фреймовый подход: дис. ...канд. филол. наук. Иркутск, 2013.

⁸ Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. С. 207–228.

⁹ Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: дис. ...канд. филол. наук. Якутск, 2000.

¹⁰ Габышева Л.Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык – миф – культура народов Сибири. Вып. 3. Якутск: ЯГУ, 1994. С. 3–24; Башарина А.К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах: Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин: дис. ...канд. филол. наук. М., 2000.

¹¹ Габышева Л.Л. Функции числительных в мифопоэтическом тексте (на материале олонхо) // Язык – миф – культура народов Сибири: сб. науч. трудов. Вып. 1. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. С. 78–92; Избекова Е.И. Числительные в олонхо: структура и семантика: дис. ...канд. филол. наук. Якутск: 2000.

¹² Роббек Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо: лексикографический аспект: дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2009.

В исследованиях, посвященных поэтике олонхо, всегда осознавалось и текстообразующее значение иножанровых вставок, в особенности различных обрядовых форм, актуализирующихся в монологах персонажей. Еще в 1947 г. Г.У. Эргис отметил, что в записях олонхо обнаруживаются элементы, похожие на «самостоятельные произведения других жанров фольклора»¹³, в частности, *алгысы* — тексты благопожеланий и молитвенных обращений. Именно к этому типу высказываний персонажей наиболее часто обращались исследователи (В.В. Илларионов, А.П. Решетникова, С.Д. Мухоплева)¹⁴. Внимание ученых привлекали прежде всего точки схождения реальной и конструируемой в текстах эпоса словесной коммуникации. В этом аспекте проблемы накоплено много ценных наблюдений. Вместе с тем правомерным может быть и обращение к вопросу о трансформационных процессах, имеющих место при использовании традиционных речевых форм повествовательным фольклором. Следует также отметить, что особенности текстов проклятий (*кырыыс*) и клятв (*андабар*), конструируемых в якутском эпосе, не становились прежде объектом специального рассмотрения.

Таким образом, при обращении к историографии менее изученными в поэтике олонхо предстают вопросы, связанные со структурой и семантикой повторяющихся словесных комплексов элементарного уровня, обычно именуемых «формулами», с одной стороны, и иножанровых включений в эпический текст — с другой; это обстоятельство обусловило обращение к ним в настоящей работе. Исследование обозначенных аспектов поэтики олонхо позволяет подойти к осмыслению роли *внутренних* (или эндогенных) и *внешних* (экзогенных) факторов в полигенетичном целом эпического текста.

Целью работы является исследование поэтики якутского эпоса, определение типов повторяющихся словесных структур, выступающих важными конститутивными элементами текстов олонхо.

Ее достижение предполагает обращение к различным аспектам текстовой стереотипии и понималось в работе как решение следующих частных **задач**:

- 1) рассмотрение синтаксической и ритмической организации текстов олонхо, выделение наиболее существенных структурных черт, присущих эпическому тексту в якутской традиции;
- 2) выявление круга повторяющихся словесных фрагментов текстов олонхо на конкретном материале, их систематизация и анализ;
- 3) исследование значения речевых жанров в построении эпического текста.

В диссертации проверялась исследовательская **гипотеза**, согласно которой язык якутского эпоса может быть представлен как иерархическая

---

¹³ Эргис Г.У. Богатырский эпос якутов — олонхо // Нюргун Боотур Стремительный / К.Г. Оросин. Якутск: ЯкГИЗ, 1947. С. 5–60.

¹⁴ Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов... С. 76; Решетникова А.П. Музыка якутских олонхо // Кыыс Дэбилийэ: якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1993. С. 26–69; Мухоплева С.Д. Олонхо и заклинательные песни-алгысы // Поэтика эпического повествования: сб. статей. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. С. 64–71.

система, оперирующая словесными единицами различного масштаба: как стереотипными словосочетаниями, часто описываемыми понятием традиционного эпитета, так и устойчивыми фразовыми и сверхфразовыми (текстовыми) единствами.

Специфика материала определила круг **терминов и понятий**, используемых при его анализе. Поясню содержание основных из них.

Выражение *текст олонхо* в случаях, когда нет очевидных указаний на конкретную запись, применяется для обозначения текстуального инварианта якутского эпоса, недоступного непосредственному наблюдению, но используемого в работе в качестве усредненной умозрительной модели, отражающей наиболее характерные признаки конкретных вариантов.

Для обозначения встречающихся в записях олонхо повторяющихся вербальных структур различного объема избран термин *общие места*. Такой выбор обусловлен желанием воздержаться от применения к исследуемому материалу получивших в фольклористике вполне определенное значение терминов *формула* (подчеркивает метрически обусловленный характер словесных единиц) и *типические места* (как правило, используется для обозначения крупных текстовых блоков, объединенных общей темой).

Если типичный сюжет олонхо представляет собой относительно монолитный текст, основная фактура которого не повторяется за пределами жанра, то в процессе его исполнения отмечаются довольно объемные речевые формы, находящие параллели среди самостоятельных фольклорных и речевых жанров. Типология подобных иножанровых включений обозрима. Их специфика рассматривается в диссертации, проблематизируясь через понятие *внутреннего текста*.

Научная новизна диссертации определяется следующими обстоятельствами:

- впервые в изучении якутского эпоса применены элементы корпусного анализа репрезентативного круга записей. Это стало возможным благодаря появлению значительного числа научных изданий олонхо, представляющих практически все ареалы бытования эпической традиции;
- результатом этого рассмотрения стал указатель «общих мест» якутского эпоса, представляющий систематизированное изложение единиц текста олонхо — от минимально значимых номинативных сочетаний до стереотипизированных выражений отдельных мотивов и оборотов прямой речи персонажей;
- совокупность иножанровых речевых моделей, используемых в текстах якутского эпоса, впервые рассматривается как единая категория, обладающая особыми признаками и находящаяся в специфических отношениях с действительными речевыми и фольклорными формами;
- в частных вопросах, касающихся прагматики изучаемого жанра, использованы некоторые новые данные, в том числе собственные полевые материалы автора, дополняющие существующие в этой области представления.

Материал исследования составили 56 записей якутского эпоса, иллюстрирующие практически все ареалы бытования традиции. Большая часть этого корпуса представлена опубликованными текстами олонхо. В работе использованы записи, вышедшие в составе академических серий «Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским» (15 текстов), «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (2 текста), «Саха боотурдара» («Якутские богатыри») (22 текста). К рассмотрению также привлечены записи, вышедшие в разное время отдельными изданиями (14 текстов). Меньшую часть корпуса составили выписки из рукописных источников, выявленных в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (3 текста).

Базовым материалом для определения круга «общих мест» традиции была избрана коллекция текстов, опубликованная Э.К. Пекарским. Такой выбор обусловлен, с одной стороны, влиянием определенной традиции научного изучения якутского эпоса, в которой это собрание заняло место своеобразного «классического» источника, наиболее часто привлекающего внимание исследователей. С другой стороны, уникальность «Образцов...» заключается в том, что это редкий для якутского эпосоведения корпус текстов, записанных в период устности «первого порядка», мало затронутый влиянием литературы и других форм письменности, и в этом смысле, как представляется, наиболее точно отражающих свойства автохтонной повествовательной традиции.

Помимо этого, для решения вопросов, связанных с соотношением эпоса с другими фольклорными формами, использовались академические издания текстов обрядовой поэзии, малых жанров фольклора якутов, собственные полевые материалы. Их полный перечень приведен в списке источников и литературы.

Методы исследования можно разделить на две группы: методы экспликации и анализа материала. На подготовительном этапе работы для вычленения данных из генерального текстового массива записей использовались средства *корпусного исследования*: фронтальный просмотр с поиском локальных соответствий, поиск по ключевым словам, количественный анализ характерности отдельных единиц.

Ведущим аналитическим инструментом в работе стали методы *сравнительно-типологического и структурно-семиотического анализа* эпического текста, принципы которого разработаны в трудах Милмэна Пэрри, Джозефа Руссо, Альберта Лорда, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, П.А. Гринцера, В.М. Гацака, Лаури Харвилаhti, Е.Н. Кузьминой.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке учебных материалов, спецкурсов и семинаров по устным традициям и этнографии народов Сибири, а также при осуществлении дальнейших исследований в области якутского фольклора и сравнительного эпосоведения.

Практическим результатом работы является проект указателя «общих мест» якутского эпоса, который имеет самостоятельное значение как источник разнообразных сведений о традиции. Это первый опыт в данном направлении. Возможные области его применения не ограничиваются задачами настоящего исследования. Указатель может быть использован в фольклористических, лингвистических, этнографических работах для решения различных задач: от ареальных исследований до разработки экспериментальных систем автоматического порождения эпического текста.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования сформулированы в ряде статей. Промежуточные результаты работы обсуждались в устных докладах на Международной школе-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии (РГГУ, Москва–Переславль-Залесский, апрель-май 2012 г., май 2017 г.), на Вторых и Третьих Чтениях памяти Е.С. Новик (РГГУ, Москва, сентябрь 2017 г., сентябрь 2019 г.), на IV Всероссийском конгрессе фольклористов (ГРЦРФ, Тула, февраль 2018 г.), на VII научной конференции «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, март 2018 г.), на межвузовском научном семинаре Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (2013–2018 гг.), на международной научной конференции «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира» (Институт языкознания РАН, Москва, апрель 2019 г.), на заседании отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького (май 2019 г.), на всероссийской научной конференции «Национальные картины мира в литературах и фольклоре народов Российской Федерации» (ИМЛИ РАН, Москва, октябрь 2019 г.), на международном научном симпозиуме «The Formula in Oral Poetry and Prose: New Approaches, Models and Interpretations» (Тартуский университет, Тарту, Эстония, декабрь 2019 г.).

По теме диссертации опубликовано 10 работ общим объемом 4,5 а.л., в том числе четыре статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе своего развития якутский эпос выработал устойчивую текстуальную форму, отчетливо выделяющую его среди других повествовательных жанров традиции. Конститутивные принципы этой текстовой модели проявляют себя в выборе специфических лексических и синтаксических средств, а также в насыщении текста ритмическими звуковыми повторами, не свойственными повседневному речевому регистру.

2. В повествовательном языке олонхо целесообразно выделение атрибутивных и предикативных выражений, используемых для обозначения основных элементов «картины мира» жанра и объективации сквозных

сюжетных мотивов. На уровне грамматического выражения им соответствуют словосочетания и предложения. Подобное разграничение позволяет конкретизировать существующие представления о типологии и механизмах воспроизведения единиц повествовательного языка в жанре смешанной прозопоэтической фактуры.

3. Стилизовое своеобразие якутского эпоса в значительной мере определяется синтаксисом двух- или трехсловного именованного словосочетания. На подобной площади текста могут быть реализованы синтаксические схемы, служащие готовыми моделями для образования номинативных сочетаний характерного регистра. Смысловое наполнение этих форм подчинено жанровой картине мира и системе традиционных символических ассоциаций.

4. Воспроизведение предикативных выражений, более вариативных в структурном отношении, в большей степени связано с повтором смысловым и, вероятно, обеспечивается запоминанием образов сравнений или тематической связи групп слов, объединяемых параллелизмом.

5. Для воспроизводящего (речевого) модуса якутского эпоса характерно обращение к обрядовым дискурсивным формам, которые, вероятно, осмысливались в самой традиции как архаические речевые жанры: благопожеланиям и молениям (алгысам), проклятиям и клятвам. Их появление в текстах олонхо обусловлено семантикой сюжетов, а моделирование обеспечивается обозримым кругом речевых формул.

6. Конструируемые в текстах олонхо ритуальные высказывания персонажей не вполне адекватны реальным фольклорным фактам, несмотря на то что в силу особого статуса эпического жанра они могут восприниматься как эталонные формы обрядовой речи. Такие фрагменты представляют интерес как образцы «самоописания» традиции и материал для изучения традиционных представлений о дискурсивных практиках прошлого.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы (включает 243 наименования), приложения. Общий объем работы составляет 363 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначены объект и предмет исследования, охарактеризованы степень изученности, актуальность избранной темы, определены цель и задачи исследования, описаны используемые материалы и методы, сформулированы новизна работы, ее теоретическое и практическое значение. В этой части диссертации также приведена этнографическая справка об изучаемом жанре, пояснено содержание основных терминов и понятий, использованных в работе.

Первая глава диссертации **«“Общее место” в текстах олонхо: состав, типология, факторы воспроизведения»** посвящена исследованию структуры, семантики и особенностей воспроизведения повторяющихся

словесных комплексов элементарного уровня (словосочетаний и предложений), при помощи которых излагались сюжеты якутского эпоса. В *разделе 1.1.* первой главы рассмотрены структурные особенности текстов олонхо, учет которых необходим при обращении к исследованию словесной стереотипии. На конкретных примерах проанализированы характерные синтаксические и метрические признаки эпического текста в изучаемой традиции. Показано, что основные ритмообразующие факторы — синтаксический параллелизм и аллитерационный повтор — проявляются в тексте олонхо неравномерно. Степень их выраженности неодинакова в различных композиционных элементах текста: наибольшая степень ритмичности, как и в некоторых других традициях, наблюдается в статичных описательных сценах, а также в прямой речи персонажей, в то время как в собственно повествовательных фрагментах может наблюдаться слабо урегулированная в ритмическом отношении или фактически «прозаическая» ситуация. В отдельных случаях синтаксический параллелизм может вести к изосиллабизму речевых синтагм, произвольной грамматической рифме. Примечательно, что такая организация текста находила в традиции образное определение в метафорах *клочковатых облаков* и *белых лошадей*, то есть естественных объектов, образующих ряды однотипных составляющих и наделяемых в якутской культуре высоким символическим статусом. В плане исследуемой проблематики обращает на себя внимание характерный «развернутый» синтаксис эпического текста: обилие атрибутивных элементов (определений, обстоятельств образа действия) в именных и глагольных сочетаниях, смысловая связанность которых зачастую дополнительно выделяется аллитерационным повтором. Подобная тенденция ведет к появлению большого числа пропозиций и специфическому «сгущению» семантики. Как известно, второстепенные члены предложения предполагают обычно определенную свободу в своем употреблении, однако в эпическом тексте оказываются едва ли не обязательными. Это «сильный» структурный признак, который в значительной мере определяет стилистическое своеобразие жанра¹⁵. Результаты стабилизации именных сочетаний, происходившей в традиции, их закрепление в устойчивые словесные комплексы прежде всего и оказались в центре внимания в работе.

В *разделе 1.2.* поясняются принципы экспликации стереотипных фрагментов текстов олонхо («общих мест»), рассматриваемых в работе, и описываются существующие ограничения. В исследовании использован электронный корпус текстов, учитывающий большинство опубликованных на сегодняшний день записей якутского эпоса (список источников приведен в *Приложении* к диссертации). Фронтальному просмотру были подвергнуты тексты 15 сюжетов олонхо разного объема, опубликованные Э.К. Пекарским в серии «Образцы народной литературы якутов» в период с 1907 по 1911 гг.,

---

¹⁵ На эту особенность и ранее обращали внимание исследователи, см.: *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык... С. 208; *Роббек Л.В.* Функционально-семантические особенности... С. 42.

достоверно атрибутируемые как записи героического эпоса. Фрагменты этих текстов путем соотнесения друг с другом и дополнительно с материалом 41 записи олонхо проверялись на наличие соответствий.

Наблюдение велось одновременно на уровне минимальных номинативных словосочетаний, достаточных для осуществления референции, и предложений, представляющих собой композиты, обладающие предикативностью. Обнаружение «группы слов», которая использовалась для обозначения некоторого единого смысла в текстах, записанных от разных сказителей, понималось в работе как вероятное свидетельство ее традиционного характера.

Минимальным отрезком текста, пригодным для рассмотрения, предполагалось словосочетание, состоящее из двух слов. Определение же максимально возможного объема «общих мест» в олонхо затруднено, поскольку текстовые фрагменты, выражающие устойчивые мотивы эпического сюжета, зачастую представляют собой семантически незамкнутые целостности, предполагающие довольно широкую вариативность в плане своей вербализации. Границы «общих мест» обусловлены синтаксической функцией словесных групп: чаще всего они представляют собой словосочетания в позиции того или иного члена предложения либо целые предложения, обозначающие некоторое единое действие или состояние. Для рассмотрения не отбирались повторяющиеся композиты, фигурирующие в текстах одного сказителя, а также выражения, принадлежащие лексическому фонду всего языка, а не специфически эпического жанра (например, *уол обо* / ‘мальчик, юноша’, *кыһыл саһыл* / ‘рыжая лисица’).

Избранный метод поиска «общих мест» по ключевым словам является эффективным в установлении стереотипии на уровне поверхностного (лексического) представления, однако слабее себя проявляет в обнаружении морфо-синтаксической и семантической повторяемости. Этот недостаток отчасти снимается в работе просмотром большого числа записей и подбором случаев структурного и смыслового сходства выражений «на глаз». Используемый корпус не является нормализованным отображением традиции и не может быть таковым: фиксация текстов якутских олонхо проводилась в разное время, с разной степенью подробности в различных локальных очагах традиции. Некоторое число из произведенных записей впоследствии было опубликовано и в силу этого является доступным для электронной интерпретации. Предлагаемые наблюдения построены на результатах сквозного просмотра этого массива текстов.

Устная природа анализируемого материала, условия бытования которого позволяют ему реально существовать только в момент исполнения, делает невозможными точные количественные наблюдения. По этой причине в работе практически не сравниваются квантитативные характеристики выявленных словесных единиц. Любой элемент фольклорного текста в этой ситуации, как представляется, может быть описан лишь в качественных категориях большей или меньшей характерности.

Результаты рассмотрения описаны в *разделе 1.3.* первой главы. Получен список «общих мест» эпоса олонхо из 2433 примеров, группирующихся по 726 статьям. По своей тематике одна часть выражений концентрируется вокруг элементов жанровой картины мира, выступая либо устойчивым обозначением составляющих ее предметов, либо ассоциированными с ними определениями. Стереотипную словесную форму выражения также получают обозначения отдельных действий персонажей и некоторых событий, не связанных напрямую с их активностью. В связи с этим обосновывается выделение двух типов «общих мест»: 1) *атрибутивных выражений*, 2) *выражений с предикативной семантикой*.

Из списка «общих мест» первого типа видно, что значимыми для эпоса становятся и отношения родства. Устойчивые описательные обозначения в текстах олонхо получает связанная с ними терминология. Среди абстрактных понятий упоминаемыми в сюжетах сравнительно часто и, следовательно, получающими формульный характер оказываются выражения, так или иначе относящиеся к представлениям о *судьбе* человека, с одной стороны, и *богатырской чести* — с другой. Это два важных для жанра ценностных концепта, о которых часто рассуждают сами персонажи эпоса. К первой группе могут быть отнесены обозначения *души, греха, доли (предназначения), удачи, грядущих поколений* и т.п. Со второй, как кажется, связываются понятия *защиты, слова, услуги и славного имени*. К «общим местам» с отвлеченным значением следует отнести также выражения, связанные с понятиями времени, позволяющие сказителю пояснять хронологическое соотношение описываемых событий.

Устойчивую словесную форму ожидаемо получают часто совершаемые в эпическом сюжете действия пространственного перемещения, говорения, выражения различных эмоциональных реакций персонажей. Такая тематика обусловлена семантикой самого жанра, сюжет которого строится как цепь встреч и взаимодействий разнообразных персонажей. При этом обращает на себя внимание тот факт, что большинство подобных фрагментов имеют довольно общее значение, слабо связанное с конкретным контекстом: они могут употребляться по отношению к различным персонажам.

Содержание второго, сравнительно немногочисленного подтипа предикативных выражений ассоциировано с сюжетными мотивами, субъектами которых выступают не сами герои, но некоторые окружающие их объекты пространственного фона. Такие мотивы зачастую знаменуют развитие новых ситуаций: «появление необычного облака — средства передвижения иномирных персонажей», «реакция природы на бег богатырского коня», «восстановление пространственных объектов после битвы» и др. В подобных сочетаниях не наблюдается итерации актора, их, как правило, невозможно изъять из текста без ущерба для повествования. Примечательно, что компактность текстуального представления выражений, объективирующих

динамические мотивы¹⁶, своеобразно коррелирует с краткостью во временном объеме самих описываемых событий. Вероятно, это обстоятельство во многом способствует их кристаллизации в лаконичных словесных выражениях.

В *разделе 1.4.* первой главы рассмотрены особенности проявления словесной-смысловой стереотипии в материале и описаны основные факторы, обеспечивающие воспроизводимость каждого из выделенных видов «общих мест». Обращение к истории вопроса (работы М. Пэрри, А. Лорда, Дж. Руссо, Д. Фрая, В.М. Гацака, Л. Харвилаhti) демонстрирует сложный, взаимообусловленный характер функционирования формальных и содержательных критериев повторения элементов эпического текста. Для атрибутивных выражений якутского эпоса, основной тематический состав которых был рассмотрен в предыдущем разделе, устанавливается наличие синтаксических ограничений. Особенности использования характерных синтаксических моделей в их вербализации изложены в *подразделе 1.4.1.*

Минимальное атрибутивное сочетание характеризовалось двухсловной структурой и имело в традиции 8 основных способов языкового выражения. Такая структура, однако, могла ощущаться как недостаточно выделенная в стилистическом отношении. Вследствие этого атрибутивные выражения якутских олонхо тяготеют к более сложной — трехсловной — организации. Мы определили 12 основных моделей их синтаксического воплощения. Обращает внимание тот факт, что на этих отрезках текста зачастую реализуются ритмические потенции текста, связывающие начала входящих в атрибутивные композиты слов аллитерационным созвучием (по типу *aa, aax, axa*, реже *aaa*, где *a* — аллитерирующие элементы). Возникающие в результате применения названных схем конкретные сочетания могли гибко меняться как в синтагматическом, так и в парадигматическом планах. Под первым имеются в виду случаи синтаксического распространения словосочетаний и присоединения дополнительных определений и сравнительных оборотов, под вторым — транскатегориальные переходы «существительного-хозяина», при которых словесные комплексы с изначальной номинативной функцией могут принимать на себя синтаксические роли определения или сказуемого.

Несколько иные принципы воспроизведения обнаруживаются при наблюдении за повторяемостью предикативных сочетаний. Результаты их рассмотрения излагаются в *подразделе 1.4.2.* Здесь не обнаруживается столь жестких синтаксических схем, которые обуславливали структуру выражений предыдущего типа, но оказываются важны семантические связи между образующими их лексемами. Типы этих отношений в общем виде также могут быть описаны, подводя нас к некоторой системе. Одна часть предикативных выражений включает в себя несвободные словосочетания (синтаксические, фразеологические), характерные для информативного регистра якутского языка

---

¹⁶ При разграничении *статических* и *динамических* мотивов в эпическом сюжете я слеую за классификацией, разработанной Б.Н. Путиловым. См. *Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С.141–155.*

в целом. Как показывает материал, стабильно воспроизводятся и предикативные выражения, содержащие в себе образные глаголы и сравнительные обороты. Вероятно, воспроизводимость подобных выражений в немалой степени связана с явлением визуализации. При этом, как можно заметить, у сказителя нет необходимости в дословном воспроизведении оборотов этого типа, вполне достаточно того, чтобы основной семантический «каркас» описания был выдержан. Подчас это приводит к использованию синонимов, замене одних слов на другие из тематически близких групп. Немаловажное значение, как кажется, имеет и проявляющаяся в таких оборотах событийность.

Значительный круг повторяющихся предикативных выражений представлен комплексами, сегменты которых связаны синтаксическим параллелизмом. Единство параллелистического сочетания в якутском эпосе может быть обеспечено лексическими структурами. В работе, в частности, рассматривается организующая роль гетерогенных и редуцирующих парных слов¹⁷. Материал показывает, что экспликация парных сочетаний с разрывом составляющих их слов является общим приемом образования параллелизма, по крайней мере, для тюркоязычных традиций. Структурно-семантические свойства этих сложных слов позволяют им функционировать в текстах олонхо в качестве основы для двучленного параллелизма. В аналогичной роли могут выступать и антонимичные пары слов (в особенности, глаголы и прилагательные), в связке обозначающие некоторый обобщающий спектр понятий. Ср.: *тон сири тобугун харабар дылы тобулу уктээтэ*, / *уриэнэх сири иэрчэбин үүтүгэр дылы ибили хаамта*¹⁸ / 'мерзлую землю до ямок на коленных чашках истоптал, талую землю до бедерных впадин измесил'; *үчүгэйи эттинг диэн үөрбэтэбэ, куһаҕаны эттинг диэн хомойбото*¹⁹ / 'не выказал радости, сказав «ты сказал добрые слова», не загрустил, сказав «ты сказал дурные слова»'.

Немаловажную роль в образовании параллельных сочетаний играют и внетекстовые концептуальные структуры. Выделяются фрагменты, основанные на лексемах из тематических групп, по своей природе состоящих из ограниченного числа членов. Чаще всего это названия светил, конного и рогатого скота (в различных вариантах), мужского и женского начал (в вариантах), неба и земли, черного и белого цветов, племен *айыы* и *абаасы*, верха и низа, правой и левой стороны, ясного и облачного дня, серебра и меди, ушей и глаз, трех мифологических миров, трех человеческих душ, четырех сторон света, четырех времен года, четырех времен суток²⁰. Суть этого средства

¹⁷ Этот вопрос ранее рассматривался также в работе: *Борисов Ю.П.* Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2017. С. 111–122.

¹⁸ Ала Булкун: олонхо / Т.В. Захаров-Чээбий. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. С. 16.

¹⁹ Могучий Эр Соготох: якутский героический эпос / В.О. Каратаев. Новосибирск: Наука, 1996. С. 132.

²⁰ Структурирующие возможности многих из названных оппозиций применительно к различным текстам якутской культуры рассматривались в работах Л.Л. Габышевой, В.С.

текстуализации составляет соотнесение двух концептуальных матриц. Каждая из них может иметь одинаковое количество членов, либо одна ограничивает состав второго множества. Связь компонентов этих двух групп часто может быть определена отношениями тождества, сравнения, пространственной или временной соотнесенности. В этом случае сказителю не нужно запоминать дословно весь объем текстового фрагмента — ему достаточно усвоить тематику двух связываемых групп. Удачно составленный словесно-смысловой комплекс может не только закрепиться в идиолекте отдельного исполнителя, но и получить распространение в традиции. В заключение раздела рассматриваются особенности семантически не мотивированных сочетаний с параллелизмом. Они предполагают бóльшую вариативность своего словесного выражения, расширяясь либо редуцируясь непредсказуемо. Наиболее крупные из таких фрагментов могут насчитывать до двенадцати членов. Большинство же сочетаний с параллелизмом в олонхо имеет два или три компонента.

Во второй главе под названием «**“Внутренний текст”**: **иножанровые модели в структуре эпического текста**» анализируются проекции других жанров устной традиции якутов в текстах олонхо. Сложность разработки этой проблемы связана с ее многоаспектным характером. В настоящей работе рассматривается текстуальный план, причем в поле зрения попадают формы, в отношении которых в самом тексте имеются эксплицитные указания на тип «цитируемого» жанра.

В *разделе 2.1.* исследуется семантика и функции пословичных текстов, используемых в олонхо. Их употребление является характерной чертой стиля якутского эпоса. Выражения, заключающие в себе некоторые аподиктические утверждения и имеющие относительно стабильную текстуальную форму, встречаются здесь и в высказываниях персонажей, и в собственно повествовательной части («речи сказителя»). Рассмотрение показывает, что среди наиболее употребляемых текстов пословиц — выражения, утверждающие отзывчивость, немногословие, приоритет поступков над речами, слабость женщины, верность данному слову, рискованное поведение и самоотверженность. Такая тематика, по всему, отражает специфическую андроцентрическую систему ценностей, транслируемую эпическим жанром.

Пословица может инкорпорироваться в эпический текст в своем «исходном» виде для выражения оценки актуальной сюжетной ситуации как типовой или для обоснования действий персонажа. Вместе с тем обращают на себя внимание случаи модификаций. Паремия может становиться частью обособленных компонентов фраз, например обращений, или подаваться как спонтанное высказывание персонажа. Особый интерес представляют собой примеры преобразования пословичных текстов в повествовательные выражения. В этих случаях наблюдается актуализация смысла паремии. При

Костырко. См., например: *Габышева Л.Л.* Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо... С. 3–24; *Габышева, Л.Л.* Слово в мифопоэтической картине мира (на материале языка и культуры якутов) // Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38. М.: РГГУ, 2003; *Костырко В.С.* Конь и бык в героическом эпосе и обрядах жизненного цикла якутов // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири: сб. статей. М.: РГГУ, 2008. С. 73–93.

этом в силу лаконичности формы и тесной спаянности словесных групп, входящих в состав паремийных выражений, трансформируется не столько их лексический состав, сколько синтаксическая форма. В полученном материале обнаруживаются единичные тексты с пословичной структурой, которые, однако, не находят соответствий ни среди паремий, встречающихся в записях эпоса, ни в фонде выражений, зафиксированных академическими словарями и сборниками. Признаком, который позволяет атрибутировать их как пословицы, является лишь обобщенный характер суждения. Эпический текст в связи с этим предстает как поле экспериментирования по конструированию новых речевых единиц. В целом пословичные тексты служат удобной опорой сказителю в ситуации непрерывного рассказывания.

Раздел 2.2. второй главы посвящен исследованию структурных и семантических особенностей обрядовых высказываний, моделируемых в текстах олонхо. В *подразделе 2.2.1.* сформулированы общие наблюдения над речью персонажей в изучаемом жанре. Уже при первоначальном рассмотрении обращает на себя внимание тот факт, что большинство монологов персонажей — это адресованные высказывания. Существенно, что этот композиционный элемент олонхо, как правило, пропевался в характерной для конкретного типа персонажа интонационной манере. Среди подобных поющих монологов преобладают высказывания обрядового (магического) характера. Такая тематика, как кажется, определяется архаическим типом якутского эпоса, активностью мифологического плана в его сюжетно-мотивном составе.

Подраздел 2.2.2. посвящен анализу алгысов — традиционных молитвенных или благопожелательных обращений, прагматика которых так или иначе связана с вызыванием положительных событий для отдельного индивида или всего коллектива. Эпический жанр воспринял поэтически более развитую поющую форму алгыса. Эти фрагменты текстов олонхо уже становились предметом специального изучения. В своих работах к ним обращались специалисты по песенной и обрядовой традиции якутов А.П. Решетникова и С.Д. Мухоплева. Для алгысов олонхо определены характерные ритмико-мелодические регистры, а также круг вероятных прототипических фольклорных форм из числа реальных обрядовых жанров. Со своей стороны, мы сосредоточились в работе на выявлении характерных «сдвигов» в поэтике ритуального жанра, происходящих в результате его восприятия эпосом. Было рассмотрено 84 фрагмента из 27 сюжетов олонхо. В алгысах, вводимых в эпический текст, расширяются композиционные элементы нарративного значения, появляются пространные реплики-самоописания персонажей. Структура алгыса в эпическом тексте начинает распространяться за пределы собственно обрядового дискурса, становясь своеобразной универсальной схемой словесного общения персонажей. В композиционно-стилистической манере ритуальной инвокации строятся обращения людей *айыы* (т.е. собственно людей) не только к мифологическим персонажам и магическим специалистам, но также и друг к другу.

В *подразделе 2.2.3.* рассмотрены тексты и сюжетные ситуации произнесения проклятий (*кырыыс*). Выделено шесть типичных мотивов,

содержание которых составляет произнесение проклятия: *проклятия героя антагонисту, побежденного антагониста — герою, родительское проклятие герою, «женское» проклятие в адрес богатыря, проклятие родителей невесты, проклятие шаманов той страны, где происходит поединок, в адрес сражающихся богатырей*. В подразделе подробно анализируется семантика «сквозных» вербальных формул, актуализирующих кырыыс, характеризуются способы их языкового выражения. Наиболее употребительным способом конструирования проклятий в эпическом нарративе становится смысловое инвертирование формул благопожеланий. В связи с отсутствием у жанра проклятия «сильных» маркеров, однозначно указывающих на него, в условиях устной наррации, как кажется, возникала необходимость в дополнительных средствах его атрибуции. В частности, центром перформативного речевого акта зачастую оказывается его прямое название: *кыраан этэн эрэбин* / ‘проклиная говорю’; *кырыыс эрэ кырыыс* / ‘проклятие же, проклятие’ и под.

Топика текстов клятв, семантически близких проклятиям, рассматривается в *подразделе 2.2.4*. Как показывает материал, клятвами в олонхо сопровождаются ситуации, которые либо включают установление договорных отношений, либо выражают крайнюю степень намерения некоего персонажа. По своему объему клятвы персонажей могут занимать от нескольких слов до довольно объемного высказывания в несколько десятков слов. Известно, что одна из расхожих форм клятвы строится как проклятия, адресованные самому себе, призываемые в случае невыполнения говорящим даваемого обещания. Та же типовая композиция используется в текстах олонхо для моделирования высказываний персонажей этого жанра. В содержательном аспекте обращает на себя внимание интерференция в текстах клятв автохтонных и более поздних христианских мотивов. В случае невыполнения даваемого обещания герои олонхо призывают на себя гнев как берестяных «божков», так и небесных архангелов и «бога Николы». Некоторые изображаемые в олонхо ритуальные действия, сопровождающие клятву, такие как *прикладывание к камню, кровавая подписка*, вероятно, тоже представляют собой более поздние мотивы.

Таким образом, среди моделируемых в якутском эпосе высказываний персонажей ведущее место занимают обрядовые формы. Для каждой из них может быть выделен свой круг повторяющихся речевых формул, вокруг которых, в зависимости от ситуации, выстраивается вариативная часть высказывания. Алгыс, проклятие и клятва могут быть рассмотрены как пластичные *речевые темы* якутского эпоса, предполагающие некоторый круг обязательных составляющих, но в то же время характеризующиеся существенным креативным началом. Как показывает анализ, «эпические» ритуальные высказывания не вполне адекватны реальным речевым формам, хотя и могли оказывать на них структурирующее влияние.

В **заключении** подводятся итоги исследования и рассматриваются перспективы дальнейшей разработки темы.

К диссертации прикреплено *Приложение*, представляющее собой проект указателя «общих мест» эпоса олонхо.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Макаров С.С.* Представления о слове в эпосе олонхо // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. №12 (33). С. 31–39.
2. *Макаров С.С.* Алгысы в эпосе олонхо: структура, типология, статус // Проблемы востоковедения. 2017. №4 (78). С. 96–101.
3. *Макаров С.С.* Якутские олонхо: от поэтики к прагматике // Урало-алтайские исследования. 2018. №2 (29). С. 44–52.
4. *Макаров С.С.* К прагматике эпоса на современном этапе: якутские олонхо // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. №4. С. 260–275.

Публикации в других изданиях:

5. *Макаров С.С.* Эпический жанр олонхо в аспекте соотношения устной и письменной традиций // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Международной школы-конференции – 2012 / Сост. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев. М.: РГГУ, 2012. С. 128–132.
6. *Макаров С.С.* (Ре)конструируя традицию: фольклорный жанр под взглядом региональной антропологии // Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: Сборник тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции / Сост. . М.: РГГУ, 2017. С. 77–78.
7. *Макаров С.С.* Картина мира и структура текста в якутских олонхо: черты прагматики в поэтике // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика: Сборник тезисов конференции молодых ученых. СПб.: ЕУ СПб., 2018. С. 56–57.
8. *Макаров С.С.* Пословичные паремии в записях якутского эпоса: от канона к инновациям // Международная конференция «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира». 4–6 апреля 2019 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов / Под ред. А.А. Кибрика, В.Ю. Гусева, А.Б. Шлуинского. М., 2019. С. 157–158.
9. *Makarov S.* Autour du pragmatisme du genre épique dans la période contemporaine: le cas des Olonho Iakutes // *La Sibérie comme champ de transferts culturels de l'Altaï à la Iakoutie* / Alexeev P.V., Dmitrieva E.E., Espagne Michel. Paris: Demopolis, 2018, pp. 169–179.
10. *Макаров С.С.* Паремии в тексте якутского эпоса: семантика и функции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Культурология. Языкознание». 2019. №4. С. 55–67.